

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К60

Колычев, Владимир Григорьевич.
К60 Вечность и еще два дня / Владимир Колычев. — Москва : Эксмо, 2020. — 320 с.

ISBN 978-5-04-113873-8

До поры до времени Полина жила спокойно и по-деревенски размеренно: ухаживала за больной матерью, вела хозяйство. Пока не ворвался в ее жизнь крутой бизнесмен, муж старшей сестры. Не смогла Полина устоять от соблазна. Тут-то все и началось. Сначала выяснение отношений с сестрой и бывшим женихом из местных, а потом и вовсе кошмар — настоящая война с бандитами. И невдомек вчерашней покладистой девушке, кто и зачем подослал к ней этих отморожков и ради чего ей пришлось взять в руки оружие и начать мстить...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Колычев В., 2020
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо»,
2020

ISBN 978-5-04-113873-8

Глава 1

Бока у кувшина крутые, с резким переходом на «талию», глиняные, слегка шероховатые, но все же приятные на ощупь и теплые от парного молока. Пальцы Полины нежно, с тихим, едва слышным шорохом скользнули по кринке вверх, неторопливо, но быстро развязали тесемку, сняли марлю, аккуратно уложили ее на стол. Одной рукой Полина взяла кувшин за горлышко, другую подставила под донышко, наклонила над глиняной кружкой без ручек. Звонко, с мелодичным переливом зашелестела молочная струйка. Звук уплотнялся, пока не оборвался, булькнув на прощание.

Мама качала головой, глядя на заботливую дочь. В глазах ее читались и восхищение, и укор.

Молоко парное, вкусное, с ароматом утренней росы на веточке мяты, но не свое. Каждый вечер Полина ездила в поселок. Молоко тетя Нелли отдавала ей задаром, а творог, сметану, масло приходилось покупать или обменивать на фрукты и всякую огородину.

Мама пила молоко неторопливо, маленькими глотками, с тяжелыми выдохами в паузах. Кружку она держала двумя руками. Слабые артритные пальцы мелко дрожали, а глаза строго смотрели на Полину.

Маму разбил паралич. Руки еще кое-как слушались ее, а сидеть она не могла, только лежать. Если и ходила, то лишь под себя. Полина обмывала ее, обстирывала, кормила с ложечки.

Мама не упрячилась, позволяла заботиться о себе, но кружку вечернего молока должна была выпить сама. Это святое. Прежде у нее получалось, а сегодня вот не заладилось, пальцы разжались, и посудина вывалилась из рук. Часть молока пролилась на одеяло, но кое-что осталось в кружке. Полина поймала ее на лету.

— Ну что же ты?.. — с осуждением спросила мама, посмотрев на дочку.

Голос ее звучал глухо, но Полина услышала в нем звонкие истеричные нотки, на которые так богата была Варвара. Сколько помнила Полина свою старшую сестру, столько и была у нее без вины виноватой.

Полина даже парня у нее умудрилась отбить. Варваре было семнадцать, а ей — одиннадцать. Миша тогда просто хотел позлить старшую сестру и громко, на публику пообещал жениться на младшей. Прошли годы. Рано овдовевший

Миша и в самом деле позвал Полину под венец. Это и сподобило Варвару на очередной вздорный вывод. Она решила, что младшая сестра посягнула на ее кавалера.

Скандалом эта глупость не обернулась, потому как Миша давно уже никого не интересовал. Полина ему отказала, а Варвара и знать его не хотела.

— Все хорошо, мама, — сказала Полина, взяла чашку, поставила на стол и глубоко вдохнула, настраиваясь на мирный лад и долгое терпение.

Мама не совсем справедлива к ней, но всему виной болезнь, которая влияет на ее характер. Полина давно уже смирилась с этим.

В свое время она окончила медицинское училище, пять лет отработала сестрой в городской больнице. Уход за парализованной матерью можно было считать продолжением этой великолепной карьеры. А домашнее хозяйство и вовсе святая обязанность для женщины.

Дом у них был хороший, отец построил его лет двадцать назад. Он тогда хорошо зарабатывал, взял пять гектаров земли, прилегающей к озеру, поставил крепкий сруб из бревен полуметровой толщины, одноэтажный, но многокомнатный. Местный умелец срубил мебель из березы. Комнаты были обставлены на городской лад, вода подведена. Еще бы газовое ото-

пление, и цены дому не было бы. Сарай, хлев, курятник, баня — все было. Имелся даже глубокий ледник, хотя им они и не пользовались. Спасибо холодильнику. Сад, огород пятнадцать соток, две теплицы. Хлев пустовал, но Полине хватало работы и без скотины. Она весь день, от рассвета до заката, пахала как проклятая.

— Да где уж хорошо-то? — Мама вздохнула, закрыла глаза, поморщилась и опустила уголки губ.

Говорить она ничего не стала. Полина сама должна была все понять. «Утка» стояла под кроватью. Вынести ее — не самое сложное дело. Завтра банный день, маму нужно будет вымыть, не поднимая с кровати. Но так это будет завтра, а сегодня — всего лишь «утка».

Из дома Полина вышла уже в темноте, под луной и звездами. Ветер с озера принес комаров и прохладу. Над ухом тонко загудело, но Полина даже не отмахнулась, привыкла.

На самом деле комаров у них не так уж и много. Озеро чистое, берега не заболочены. Слева сосновый бор, справа луга. Там полынь и мята, которую эти кровососы не любят. А в доме их и вовсе нет, ночью можно спать спокойно.

Полина опустилась на скамейку, за день прогретую солнцем, откинулась на гнутую спинку, измученно улыбнулась, вспоминая былые вре-

мена. Отец привез эту лавку из города, вроде бы купил, но мог и стянуть из городского парка. В девяностые годы люди как будто с цепи сорвались, всю страну по углам растащили. Отец тогда дальнобойщиком работал, машины из-за границы возил, скорее всего украденные. Рисковал очень, боялся, в каждый рейс уходил как в последний бой, зато зарабатывал хорошо, пока под пулю не попал. Ранили его тогда тяжело. Врачи полжелудка вырезали, перевели на инвалидность. Так он до конца и не оправился, а в позапрошлом году и вовсе отошел в мир иной.

Чуть погодя слегла и мама. Варвара мигом нашла выход из положения, назначила сиделкой младшую сестру, причем сделала это с присутствием ей кичливым пафосом, разрекламировала себя на всю округу. Как будто Полина не собиралась ухаживать за матерью, но Варвара — добрая душа — заставила ее.

А Полина к тому времени уже и с работы уволилась, и к маме перебралась. Варвара громко обещала оплачивать услуги сиделки. Деньги она действительно высылала, но по чуть-чуть и не регулярно. Их только на лекарства и хватало, да и то не всегда.

Выручали огород, хозяйство и мамина пенсия. Корову Полина не держала, но куры и утки

у них водились. Несушки исправно поставляли яичко-другое к утреннему столу. Завтра с утра нужно будет корму птицам задать, уток выпустить на озеро, там им раздолье.

Да и самой можно будет искупаться. Утром... или сейчас?

Полина качнула головой, вытянула губы уточкой. Что-то не хотелось ей подниматься и куда-то идти. Лето уже на второй половине. Днем вроде бы тепло, а ночью не очень. Вода в озере прохладная, благодать в ней после жаркой парилки. Выскочить по темноте голышом, сигануть с мостков и плыть, представляя погоню за собой.

Однажды она гостила здесь, в деревне, с Андреем, привезла его из города, познакомила с отцом, с матерью, а ночью они отправились купаться. Полина ему поддалась. Он смог догнать ее и обнять крепко-крепко. Повторить бы. Но Андрей уже безнадежно в прошлом, женился, готовился стать отцом.

Не сложилось, не судьба. Такое бывает. Но как же обидно. Так и затянула бы заунывно «Степь да степь кругом», да мама услышит, звать начнет.

Из темноты под свет фонаря выбежал Дружок, ткнулся в руку мокрым носом.

— Ух ты, животина лохматая! — сказала Полина, улыбнулась и потрепала пса за холку.

Шерсть у Дружка пышная, но пыльная, местами спутанная, как будто мышки в ней гнезда свили. Пройтись бы жесткой щеткой от холки до хвоста, дрянь всю вычистить. Сегодня сил хватит лишь на то, чтобы снять со спины собаки головку репейника.

Все-таки Полина поднялась и пошла за щеткой. Завтра тоже будет некогда, особенно если откладывать все на потом.

Дружок вытянулся на лапах, поднял холку, наострил уши, настороженно повел головой в сторону калитки, предупреждающе гавкнул и побежал, указывая путь хозяйке.

За калиткой у фонарного столба руки в брюки стоял Миша. Рослый, кряжистый. Левая нога выставлена вперед, правый локоть отведен в сторону, в зубах «беломорина». Полине казалось, что он вот-вот сорвется с места и пойдет в пляс под скрипки сверчков. Кровь у него пьяная, настроение ухарское. Полине даже не надо было принюхиваться, чтобы это понять.

Когда Миша трезвый, он тише воды, а под мухой мог и нахамить, на свою покойную жену иной раз руку поднимал. Это если верить молве, которая, конечно, врет, но не всегда.

— Светит месяц, светит ясный!.. — с папиросой во рту прошамкал Миша.

Тридцать четыре года мужику, а выглядит на все сорок, если не больше. Кожа грубая, темная не столько от солнца, сколько от пота, перемешанного с землей, зубы коричневые, с гнильцой, да и то не все. В верхнем ряду их заметно убыло, особенно передних, а ему и дела нет. Борода кудлатая, прокуренная, да и без того вид у мужика запущенный.

— Шел бы ты домой, месяц ясный, — из-за калитки сказала Полина и покачала головой.

Отец ставил забор на века, на бетонные столбы, но высоко поднимать его не стал. Штакетины едва доходили до уровня груди. Если бы Миша захотел, то перемахнул бы через такую ограду в два счета. А если бы захотел еще сильнее, то и Дружок с его зубами не стал бы ему помехой.

— Да, ясный, — подтвердил Миша.

— Ясный. Но грязный.

Пиджак на нем замусоленный, с засаленными рукавами. Черные в серую полоску брюки никогда не знали утюга. О том, что там под ними и сколько оно не стирано, можно было только догадываться. Впрочем, неряшливость для Миши — это, в общем-то, давно уже естественное состояние.

А ведь Варвара когда-то замуж за него собиралась. Правда, она и сама давно уже в это не верила.

— Да где же грязный-то? — Миша шлепнул ладонью по боковому карману пиджака, стремительно приблизился к Полине, дыхнул на нее сивушным перегаром с едкой табачной закисью.

Но куда больше ее злил запах отродясь не леченных зубов.

— И небритый.

— Почему небритый? Борода у меня. Бабам нравится! — Он закинул руку поверх калитки, нащупал засов, но Полина и не пыталась его остановить.

Она еще с вечера закрыла ее на замок.

— Ну вот и давай, иди к своим бабам!

— А ты не баба?.. Фифа городская, да? — осведомился Миша и ехидно скривился.

Полина пожала плечами.

Городской она так и не стала, во всяком случае, с хозяйством справлялась нормально, как самая настоящая деревенская. Это Варвара нос от грядок воротила, маникюры свои боялась испачкать. Полина тоже за собой следила, даже лицо солнцезащитным кремом мазала, когда на жару надолго выходила, ночными кремами пользовалась, которыми Варвара с барского плеча ее одаривала. Но до сестры

ей далеко, как по красоте, так и по ухоженности.

Да и в личной жизни у Варвары все замечательно, муж ее любит, пылинки сдувает. С ребенком, правда, не ладится, сколько лет в браке, а все никак. Но так и мама такая же поздняя, замужем с восемнадцати лет, а Варвару только в тридцать пять смогла родить.

— Не нравятся тебе свиные рыла! — с обидой и вызовом в голосе наседал Миша.

— А ты не будь свиным рылом. — Полина снова пожала плечами, довольно резко глянула на Мишу.

В общем-то, он мужик ничего, пьет не чаще других, работающий. Трактор у него свой, вспахать, накосить, дров привезти — не вопрос, были бы деньги или бартер. Его бы отмыть, приодеть да стоматологу в жертву принести.

— О-хо-хо!.. Мужик мужиком должен быть, а не фанфароном напомаженным. И где Варька себе такого павлина нашла? — проговорил Миша и пренебрежительно сплюнул себе под ноги.

— Жар-птицу.

— Почему жар-птицу?

— Да потому, что летает!

Вадиму сорок два года, но рядом с Мишей он смотрелся бы как сын возле отца, с разницей лет этак в двадцать. Моложавый, спортивный,

утонченный, и улыбка у него белозубая, а какая пронзительная глубина в глазах!.. Ему бы в кино сниматься, а он автозапчасти продает, зарабатывает на этом, правда, очень хорошо. Дом у них свой, квартира в Москве, Варвара каждые три года машину себе меняет. Повезло ей с мужем.

Но Полина не столько завидовала сестре, сколько жаловалась на себя. У нее-то в жизни все наперекосяк, и Миша — не выход из положения. Не любит она его, не будет ей с ним счастья. Зачем же тогда замуж?

— Ой-ой! Летает! Как бы не упал!

— Если упадет, то прямо на тебя, — с усмешкой сказала Полина.

— А я не летаю? — Миша насупленно глянул на нее.

— Ты, конечно, ясный. Но не сокол.

— И замуж за меня ты не пойдешь?

— А это прямо сейчас надо сделать?

— Ну, не прямо. И не сейчас. Вообще надо!

— Вот вообще и приходи. Завтра. А лучше послезавтра.

— Да ладно тебе! Вечер-то какой! Пойдем прогуляемся! К озеру можно. А помнишь, как ты за мной и Варькой бегала? — Миша хитро сощурился, при этом приподнял верхнюю губу, обнажил брешь в зубах.